

УДК 392.2
ББК 82.3

«Мысль семейная» в фольклорных нарративах на сюжет ATU 1343* «The Children Play at Hog-Killing»

Сергей Викторович Алпатов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Доцент, доктор филологических наук
ORCID ID: 0000-0003-2525-0287

Филологический факультет

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1

МГУ имени М.В. Ломоносова

1-й корпус гуманитарных факультетов

Тел.: +7 (495) 939-32-77, Fax: +7 (495) 939-55-96

E-mail: contact@philol.msu.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2020.14

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы вербальной репрезентации реального опыта семейных трагедий в культурном багаже европейских фольклорных традиций, обретающей особую актуальность в современных условиях роста информационных потоков, смены коммуникативных парадигм и трансформации социальных ролей и ценностных иерархий. Объектом изучения стал известный на протяжении почти двух тысячелетий сюжет ATU 1343* «The Children Play at Hog-Killing», рассматриваемый с точки зрения мотивной структуры, генезиса, а также жанровых форм его реализации (бывальщина, баллада, новелла, житие, народный роман, городская легенда). Исследование показало, что для самих носителей традиции изображение кровавых подробностей и нагнетание атмосферы ужаса вызвано не столько желанием возбудить интерес или развлечь аудиторию, сколько необходимостью сформировать коллективный психологический ответ на такой мощный экзистенциальный вызов, как семейная трагедия. В свою очередь, с исследовательской точки зрения, традиционные повествования о роковых событиях, взламывающих структуру повседневности, становятся способом встать на точку зрения носителей традиции и вместе с тем оценить верный типологический масштаб и обозначить историко-генетическую перспективу для этих остроактуальных и социально значимых повествований.

Ключевые слова: *семейная трагедия, реальный опыт, фольклорные нарративы, жанровые модели репрезентации*

Объектом изучения в настоящей статье стал известный сюжет ATU 1343* «The Children Play at Hog-Killing», рассматривавшийся до сих пор преимущественно с точки зрения мотивной структуры, эволюционных версий, а также жанровых форм его реализации¹. Предметом нашего исследования является тема семейных отношений в нарративах данного сюжетного типа, как правило остававшаяся в тени размышлений разных авторов о концептах греха, теодицеи, детской святости, а также о природе вернакулярных религиозных практик. Недостаточная изученность проблемы репрезентации реального опыта семейных трагедий в культурном багаже европейских фольклорных традиций делает актуальным целенаправленное обращение к сформулированной теме.

Семейная коллизия сплетена с мотивом кощунственного преступления уже в первом документированном воплощении сюжета – «Пестрых рассказах» Клавдия Элиана (III в.): сыновья подражают отцу, но отец не достоин подражания; мать всем сердцем болеет о своих чадах, но аффектированное материнское чувство приносит им гибель. Процитируем интересующий нас фрагмент в переводе Ивана Сичкарева «с еллиногреческого на русский язык» 1787 г.

Митилинянин Вахов жрец именем Макарей, был по видимому кроток и добродетелен, но в самой вещи весьма худым человеком оказался. Некто чужестранец пришедши, отдал ему сохранить свое золото, которое он принявши зарыл в капище, а как по прошествии некоторого времени начал требовать оного обратно, то Макарей введши его в капище, якобы для вручения, умертвил и положил в том самом месте, где скрыто было сокровище, думая, что равно и Богу, как людям то будет неизвестно; но последовало иначе: когда не по долгом времени случился Вахов праздник, и он был священнодействием и другими обрядами занят, то два сына его, остававшиеся в доме, подражая отцу в заклании жертв, приступили к жертвеннику при возжении огня, и старший взяв лежащий негде меч меньшему наклонившемуся брату отрубил голову. О чем домашние, увидав, начали вопить, и мать, услышавшая крик, нашед сынов,

¹ См. в библиографии работы российских и зарубежных фольклористов по семантике и прагматике сюжета.

одного обезглавленного, а другого держащего в руке обгащенный кровью меч, схватила с жертвенника головню и последнего жизни лишила. Макарей известясь о произошедшем убийстве, священнодействие оставил, и с великою яростию прибежал в дом держа в руках копьё, коим немедленно умертвил также свою жену. Как сие беззаконие учинилось всем известным, Макарей допрашиван, и по признании своей вины в капище соделанной, замучен. И так Макарей достойную принял от Бога казнь, которая, как и Омир говорит, не только самого, но также жену и детей его постигла [Сичкарев 1787, 91–92].

Исследование многовековой истории сюжета непосредственно связано с вопросом о генетической преемственности либо типологическом сходстве тех или иных сюжетных версий. Яркая иллюстрация проблемы – совпадение мотивов арабской легенды начала XIV в. (дети подражают отцу, заколовшему барана для гостя-пророка) и абхазского этиологического сказания XX в. с героем арабом, принимающим гостей в момент трагических семейных событий [Панченко 2012, 51–52].

В немецких сказаниях XVI в. конкурируют две эволюционные линии. По одной версии, старший брат заколот среднего, подражая отцу-мяснику, режущему свиней на масленицу; мать бросается на крики и в состоянии аффекта поражает ножом инициатора смертельной игры; в то же время третий младенец, оставленный ею без присмотра, тонет в ванне; пораженная ужасом, мать вешается, отец умирает от горя. По другой версии дети играют в повара, мясника и свинью. Проведенное властями расследование гибели третьего участника игры установило непредумышленный характер убийства: неразумный виновник трагедии при испытании выбрал яблоко, а не золотой гульден.

В сицилийской балладе XIX в. «La Donna di Calatafimi» мать ставит тесто прямо накануне воскресной мессы и уходит в церковь; старший брат, оставленный следить за младенцем в колыбели, бездумно играет с ножом и ранит младшего в горло; в ужасе забравшись в печь, он засыпает и не слышит, как вернувшаяся со службы мать поспешно разжигает огонь.

Обобщая суждения предшественников и собственные наблюдения над семантикой нарративов ATU 1343*, Уильям Хансен так резюмирует полученные результаты:

These alternatives taken together form a kind of meditation on guilt and innocence, with which the entire story is concerned in one way or another. <...> The guilt of one or the other parent is suggested in those texts in which the father slaughters an animal just before going to Mass or the mother kneads bread just before going to Mass. <...> In two forms of the story the mother now kills the slayer, either impetuously, using the first weapon she comes upon, or negligently, roasting him in her bake-oven. And while she impetuously stabs one son, she may also negligently allow a third child to drown. <...> In short, one thoughtless act leads quickly to another. One might suppose that an ancient Greek tragedy had been married to a modern urban legend [Hansen 2002, 81–82].

Европейский ряд воплощений рассматриваемого сюжета следует дополнить пьесой Захарии Вернера «Двадцать четвертое февраля» (1815; рус. перевод 1832), главный герой которой в детские годы невольно становится убийцей сестры (играя с ней в повара и курицу); проклятый отцом, он бежит из родного дома и возвращается через много лет неузнанным², откладывает признание до утра и ночью гибнет от руки отца, терзаемого неясными намеками пришельца на судьбу пропавшего сына и чувством собственной вины [Климова 2010, 86].

Наряду с религиозно окрашенными жанровыми формами «трагедии рока» и легенд о святотатстве сюжет АТУ 1343* нередко обретает в европейской традиции форму бывальщины о несчастном случае, вызванном родительской беспечностью и детской неосторожностью в повседневных играх. В частности, братья Гримм, включая два варианта анализируемого сюжета в состав первого издания (1812) своего собрания сказок, отмечали, что эту же историю рассказывала им в детстве мать с целью отучить играть с ножом. В этой связи стоит обратить внимание на характерную деталь в структуре новеллы М.Д. Чулкова «Горькая участь».

Люди ученые того времени гадательно заключили так. Четырехлетний младенец, находясь в крепком сне и встревожен будучи сонным привидением, встал со своего места, взял нож, *с которым нередко у баловниц-матерей и отцов ребята, играя ими, засыпают*, и согласно с сонным привидением зарезал свою сестру в колыбели, а опомнившись и узнав, что сделал он худо, спрятался в печь... [Чулков 1789, 198].

² Следует учесть в формировании данной сюжетной версии роль европейских миграций балладного сюжета о солдате, вернувшемся неузнанным домой [Жирмунский 1979, 370–371].

Можно предполагать, что в основе назидательной ремарки чулковского повествователя, равно как и сентенции матери Гриммов, лежал общий лубочный прототекст [Oinas 1985, 52–56]. Таким образом, рассматривая вопросы происхождения российских вариантов сюжета, следует предпочесть маловероятной гипотезе переработки Чулковым одного из переводов «первотекста» Элиана версию переделки российским писателем немецкой лубочной новеллы [Алпатов 2009]. К этой же эволюционной линии, несомненно, принадлежит и зафиксированный сюжет СУС 939 В* «Семейная трагедия» – бывальщина, включенная П.П. Чубинским во второй отдел «Малорусских сказок» под заголовком «Недогляд» [Чубинский 1878, 557].

Рассматриваемый комплекс мотивов (опасность не контролируемых взрослыми детских подражательных игр) получил свое развитие в назидательном стихотворении вятского крестьянина Ивана Григорьевича Зыкова (1873–1924) «Проделки детей» (1908).

«Тятя наш колол быка –
Мы нарежем хоть кота».
Так мальчишки рассуждали
И кота за хвост вязали.
Всё готово... Вот и нож
Мальчик к горлу уж поднёс.
Кот с испугу извился
И когтями в них впился.
Дети бросились бежать,
Кот давай их всех держать.
Держит кот, когтями рвёт –
Так что кровь из тел идёт.
«Вот так опыт и резня! –
Дети молвят про себя. –
Научил кот славно нас –
Чуть не сделали без глаз».
И с тех пор, когда отец
Кошет к празднику овец,
Дети издали глядят, –
Просят их, так голоса

[ГАКО. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 419. Л. 117]³.

³ Сердечно благодарю В.А. Коршункова за указание на источник и сведения об архивном хранении.

Указанные выше произведения характеризует специфическое сочетание экстраординарного коллапса множества событий с предельным правдоподобием каждого из них в отдельности. Сходная модальность отличает «рапсодию» Н.С. Лескова «Юдоль» (1892), построенную на детских воспоминаниях писателя о голоде 1840 г. в Орловской губернии [Климова 2010, 87], а также газетную хронику «Орловского вестника» (1895)⁴, послужившую основой рассказа-теодицеи Федора Сологуба «Баранчик» (1898). Перед интерпретатором подобных «рассказов о несчастных случаях» встает проблема объяснения их высокой нарративной клишированности либо однотипностью жизненных ситуаций, либо стереотипией механизмов осмысления трагедии и особой символической нагруженностью сюжетной схемы.

Имманентная связь будничного контекста с «последними религиозными вопросами», отличающая нарративы типа АТУ 1343*, позволила А.А. Панченко объединить литературные источники, ритуально-мифологический дискурс «быкобоя» и локальные религиозные практики в рамках монографического анализа жития Иоанна и Иакова Менюшских [Панченко 2012; Алпатов 2014]. Возводя образно-стилевые константы сюжета (хронотоп религиозного праздника, нож, закалываемый агнец, пламя жертвенного очага) к нарративным и визуальным паттернам библейского сюжета о жертвоприношении Исаака Авраамом [Панченко 2012, 48–62], исследователь оставляет за скобками как восточнославянские варианты духовного стиха об «Авраамовой жертве» [Бессонов 1861, 598–601], так и обширный корпус болгарских обрядовых песен и баллад типа «Аврамовица», где ребенок приносится в жертву (*дете курбан*) на Георгиев или Ильин день. Обращают на себя внимание мотивировки такого поступка: все стадо погибло, и пастуху нечем совершить праздничную жертву; павшие на семью невзгоды вызваны грехами родителей и могут быть искуплены смертью невинного младенца; наконец, вы-

⁴ «Ужасный случай на почве детского подражания произошел в деревне Ждимира Болховского уезда. Крестьянин Юшков в хате резал барана, здесь же ободрал его, разделал и повесил. При всей этой процедуре присутствовала в качестве зрительницы небольшая пятилетняя девочка – дочь хозяина, которая зорко следила за всем происходившим. Прошло несколько дней; девочка как-то осталась одна, вместе со своим младшим братишкой; старших в избе никого не было. – Давай в барашка играть, – предложила девочка брату...» [Соболев 1994, 151].

моленный у Бога единственный сын изначально обречен на жертву – возвращение дара Создателю [Български фолклорни мотиви 2010].

К болгарским песенным вариантам непосредственно примыкает сербский духовный стих «Бакон Стефан и два анђела»: благочестивый священнослужитель, содержащий десять слепых нищих, вынужден пахать утром перед воскресной литургией, чтобы прокормить их; греховная коллизия разрешается принесением в жертву собственного сына, кровь которого позволяет слепым прозреть и перестать нуждаться; сын диакона воскресает [Караѿић 1845, 7–10].

Охарактеризованный выше массив книжных и фольклорных вариантов сюжета о жертвоприношении детей [Драгоманов 1889] оказывается тесно связан с эсхатологическим дискурсом и практиками ряда конфессиональных традиций. Приведем несколько примеров из корпуса, собранного А.С. Пругавиным.

Крестьянин Владимирской губернии, Никитин, сжег свой дом и в нем двух собственных малюток, которых перед тем он только что зарезал ножом на горе, за селением. На допросах он показывал, что поступил так, подражая Аврааму, принесшему в жертву Богу сына своего Исаака.

В деревне Слободищи Вязниковского уезда Владимирской губернии крестьянин, принадлежавший к секте «Спасово согласие», заклал своего семилетнего сына «в жертву Спасу» в праздник Знамения Пресвятой Богородицы после долгой ночной молитвы о том, что «нет на земле людям спасения, и все должны погибнуть». С мыслью спасти сына от земного разврата и вечной гибели он вышел на заре в задние ворота и стал молиться на восход, прося знамения: если после молитвы придет ему снова мысль эта в голову с правой стороны, то он принесет сына Богу в жертву, а если слева, то нет. По окончании молитвы помысел этот пришел к нему с правой стороны, и, обрядив сына в белую рубаху, он зарезал его ножом – «сделал праздник святым» [Пругавин 1885, 152–153].

В связи с реальными фактами принесения в жертву детей у сектантов разных толков следует особо обратить внимание на выбор ими духовного стиха о «Милостивой жене милосердой» в качестве идеологической программы собственных действий.

В 1870 г. в Шадринском уезде Пермской губернии крестьянка деревни Клюкиной Ольховской волости в день памяти перенесения мощей святителя Николая, умывшись, разбудила старшую сноху свою, застави-

ла ее управляться по хозяйству, а сама пошла в клеть, ради праздника зажгла там свечи перед иконами и, держа на левой руке дочь свою, стала молиться Богу. Во время молитвы ей снова приходит в голову давно мучившая ее мысль о принесении в жертву своей двухлетней дочери. Решив, что мысль пришла к ней от самого Бога, она оставила молитву и пошла вместе с ребенком в избу, где в это время топились печи. Когда сноха вышла из избы на двор, она отодвинула стоявший в печи чугунок с водой, бросила туда своего ребенка и, прославив Бога, занялась обычными делами по хозяйству. Вернувшись сноха, мешая угли в печи, нашла обгорелый труп ребенка. В ходе дознания выяснилось, что совершившая преступление мать, равно как и многие ее односельчане, находилась под сильным влиянием слухов об уже свершившемся рождении антихриста в Пермских пределах и рассказов о «матушке Аллилуие», которая, спасая младенца Христа, бросила в раскаленную печь своего грудного ребенка [Пругавин 1885, 146–148]⁵.

В отличие от исследователя «религиозного фанатизма» XIX столетия современный фольклорист увидит в лицах изложенной истории не только агентов и жертв «проповеди самосожжения», но и носителей традиционной культуры с провокативно привычными жестами сожжения / заклания, понимаемыми в зависимости от контекста то как обыденные манипуляции, то как ритуальные акты разрешения экзистенциальных противоречий.

На стыке средневековой и современной нарративной традиции находится записанная фольклорной экспедицией МГУ имени М.В. Ломоносова (2016) в с. Тавреньга Коношского р-на Архангельской обл. бывальщина, помещающая рассматриваемый сюжет в контекст советской действительности (милиция, самогоноварение) и вместе с тем сохраняющая его ключевые символические компоненты (нож, огонь и вода).

Ну, это у них как бы там получилось, што был мальчик, годика три, и родился ребёнок, это правда было, это мне рассказывала моя бабушка уже, это правда было. А они раньше эти родители самогон готовили, вот у них стоял аппарат на печке, всё варилось. Лежал в кровати, а второй ребёнок старшенький трёхгодичный взял ножичек и начал с ножичком,

⁵ В связи с финалом духовного стиха «Милостивая жена милосердая» – восхождение брошенного в печь младенца – следует учесть рассказ апокрифического арабского «Евангелия детства» о двух вифлеемских женщинах, одна из которых бросила ребенка соседки в печь [Скогореv 2000, 402–403].

типа до малыша подошёл, чик-чик-чик! Вот, ножичком. Он как бы видел, как папа игрался с дитём и щекотал шейку малыша, [– Ножом?] Нет, конечно! Этот ребёнок взял и ножичком хотел пощекотать, ну и попал, что зарезал. Это история, мне бабушка так рассказывала. Потом они кинулися до ребёнка, ребёнок весь в крови. На этого начали кричать, этот выскочил, убежал, наверное не три годика было, старше был. Потому что у них яма такая мусорная была, и он как бы спрятался в яму с испугу. А этим же надо милицию вызвать, всё это дело, и они этот аппарат берут с печки, брагу, и выливают в эту яму, и получается, что обварили этого ребёнка, второго. И мать увидела, и она тут же умерла на месте, сразу, и отцу пришлось трудно. Не в нашем [селе было], это на западной Украине, бабушка рассказывала, она оттуда сама, бабушка [Коровина 2017, 16–17].

В упомянутой выше монографии о «странных святых из болотного края» А.А. Панченко наряду с прямыми эволюционными репликами архетипического сюжета о заклании агнца рассматривает и побочные сюжетные линии, построенные на мотиве кастрации и давшие жизнь городским легендам о «неумной матери», использовавшей неудачные эвфемизмы в разговоре с детьми на сексуальные темы [Langlois 1993]. Вместе с тем без рассмотрения остаются смежные сюжеты европейских и американских городских легенд 1950–1970-х гг. о ребенке, приготовленном его няней в отсутствие родителей в обычной или микроволновой печи («The Baby-Roast»). Наряду с реалистическими (алкогольными и наркотическими⁶) мотивировками такого поведения бэбиситтера в ряде вариантов также развивается тема неверно истолкованных указаний родителей «to keep the baby warm» / «get the baby up», несомненно, восходящая к традиционным сюжетам сказок о глупцах ATU 1012 «Cleaning the Child (until it's drowned)»; 1012A «Seating the Children (on pointed sticks)»; 1013 «Warming Grandmother (in the stove)»⁷ [Brunvand 2012, 44–46]. Вместе с тем актуальность данного сюжета в современном медийном пространстве поддерживается и реальными уголовными процессами над женщинами, изжарившими младенцев в духовке в состоянии интоксикации и/или аффекта [Barnett 2016, 91–132].

⁶ Исследователи не исключают, что мотив связан с рассказами 1920-х гг. о нянях, усypявших беспокойных подопечных печным газом.

⁷ Ср. восточнославянские варианты СУС 1012 «Покроши Луку с Петрушкой».

Современным воплощением мотива гибели детей в раскаленной печи являются также сообщения о трагических случаях на автомобильных парковках и их интенсивное обсуждение в устной и сетевой коммуникации. Укажем в качестве примеров ярославскую заметку о родителях, оставивших двух малолетних детей в машине возле торгового центра в июньский полдень [МК в Ярославле 2019]; владимирскую корреспонденцию о пожаре в припаркованной машине с тремя детьми [Тарбеева 2018]; статью о нью-йоркце, подбросившем старших детей в школу, запарковавшем машину с полуторогодовалой дочерью и побежавшем в офис, а также о социальном работнике из пригорода, сдавшем четырехлетнего сына дневной няне по дороге на работу, но забывшего про годовалых близнецов на заднем сиденье [Otterman 2019]⁸.

Суммируя сказанное, важно отметить, что и средневековые, и поздние версии сюжета ATU 1343*, с одной стороны, отражают универсальные черты психологии родителей: постоянное беспокойство за жизнь и здоровье ребенка, возникающее от неспособности обеспечить его безопасность, а с другой стороны, представляют собой напряженные размышления о вине и невинности самих детей, поскольку те не только бездумно подражают в своей игре поступкам взрослых⁹, но и принимают осознанные решения¹⁰, как это понимается, например, составителем Особой редакции жития Иоанна и Иакова Менюшских, приписывающим последнему осмысленное стремление к искуплению греха братоубийства.

⁸ В период 1990–2020 гг. более 940 американских детей скончались от жары в припаркованных автомобилях [KidsAndCars 2020]; см. также: Guard, Gallagher 2005.

⁹ О подражательных играх детей в контексте фольклорно-мифологических сюжетов об играх со смертью см. в указателе мотивов С. Томпсона (Th): K850 Fatal deceptive game; K851 Deceptive game: burning each other; K852 Deceptive game: hanging each other; K858 Fatal game: shaving necks; Th N334 Accidental fatal ending of game or joke; N334.1 Children play hog-killing: one killed (AT 2401); N334.3 Practical joker asks doctor to castrate him.

¹⁰ Ср. сетевую новость: «В Красноярске мать оставила в квартире брата и сестру 4 и 10 лет и ушла, заперев входную дверь. После того как женщина не вернулась к обозначенному времени, дети решили отправиться на ее поиски и спрыгнули с окна третьего этажа: 10-летний мальчик взял мягкую часть от сиденья кровати, выбросил ее в окно и выпрыгнул сначала сам, а за ним выпрыгнула его сестра» [Тайга.Инфо 2015].

...Видя же Иаков, что убил брата своего, ужасеся о сем, и вниде в пещь, в которой были уготованы дрова к запалению и скрыся за ними, ожидая того, когда огонь возгорится и самого его смерти предаст. <...> Живущие ту народы текоша в дом их скоро и видевше таковая преславная чудеса и терпению Иаковову дивящиеся, яко младенец сущи лютое таковое мучение огненное претерпел самопроизвольно [РО РНБ. Ф. 905. Q 153. Л. 113–114].

Очевидно, что проблема взаимодействия реальных и мифопоэтических мотивировок в процессе текстообразования нарративов на сюжет АТУ 1343* является частным случаем проблемы уникальной контекстуальной прагматики либо стереотипных культурных функций такого рода текстов в фольклорных традициях и постфольклорных дискурсах, что побуждает обратиться к результатам современных психологических и культурологических исследований рассказов о трагических происшествиях.

Изучение спонтанных нарративов, связанных с проживанием персонального травматического опыта (и ассоциированных с ним реакций гнева, вины, депрессии, отторжения) с точки зрения психологии, выявляет тот факт, что такого рода рассказы могут выступать в качестве референтных текстов для изучения механизмов повествования о ситуациях насилия и смерти в контрастивном сопоставлении с техникой рассказов о повседневных событиях. Участникам программы предлагалось вспомнить травматическую ситуацию максимально глубоко и живо; затем, по возможности, не прибегая к пересказу в прошедшем времени, описать события, как будто они происходят прямо сейчас, со всеми подробностями обстановки и нюансами мыслей и чувств, испытываемых во время переживаемых событий [Jaeger, Lindblom, Parker-Guilbert, Zoellner 2014, 477].

В ходе исследования анализировались такие особенности нарративного стиля, как:

- элементы, нарушающие связность рассказа и течение речи («хм, э-э, ох»; «ну, не знаю», «понимаете», «я имею в виду»), тесно сопряженные в посттравматических нарративах с чувствами вины, гнева, отторжения;
- использование местоимений, маркирующих диссоциацию и комплекс собственной вины в происшедшем;
- употребление слов, называющих позитивные и негативные эмоции, а также конструкций, обозначающих ментальные действия,

состояния, отношения (знать, понимать; быть должным; «потому что»), непосредственно ассоциированное с успешным проживанием травматического опыта и изживанием болезненной памяти.

Важным результатом исследования стало то, что в спонтанных нарративах лиц, некогда вовлеченных в ситуации насилия, чья речь характеризуется высокой степенью фрагментированности, принципиальное значение имеет употребление «cognitive mechanism words» и «positive and negative emotion words», позволяющих рассказчику проговорить значимые логические и психологические аспекты травматического опыта [Jaeger, Lindblom, Parker-Guilbert, Zoellner 2014, 478–479].

Следующим шагом в осмыслении нарративных и социокультурных механизмов структуризации опыта смерти и насилия являются исследования таких жанров медийной сферы Нового времени, как памфлеты и уличные баллады (broadside, Moritaten) на криминальные темы. Памфлеты, сообщавшие о преступлениях, нередко представляли собой ряд последовательных выпусков, освещавших уголовный процесс на всех этапах: от описания сцены преступления, отчетов о расследовании и судебном приговоре до предсмертной речи преступника перед казнью. В свою очередь, баллады резюмировали событие в единое нарративное целое.

Проведенный Кэйт Бэйтс статистический анализ 650 листов первой половины XIX столетия продемонстрировал, что только 301 из них содержали сцены насилия, переданные словесно или визуально, тогда как остальные памфлеты избегали изображения кровавых эпизодов (детали которых были вполне доступны по официальным отчетам), предпочитая обращать внимание читателей / слушателей на морально-религиозные аспекты произошедшего и факт справедливого воздаяния за преступление. Лишь 26% текстов проанализированного корпуса содержали «живописные» подробности, изложенные – в расчете на специфические вкусы «любителей жареного» – подчеркнуто вульгарным языком [Bates 2020, 95–97].

Вместе с тем К. Бэйтс отмечает, что подробное описание частных деталей и персональных обстоятельств дела могло быть связано с иными причинами. Прежде всего оно было обусловлено стремлением осветить роль местного сообщества в развитии и разрешении трагической коллизии. Большинство убийц и их жертв принадлежа-

ли к одному семейству, а события происходили внутри или возле их дома, поэтому печатные листы / уличные баллады так старательно воспроизводят реакцию свидетелей во время и после шокирующих событий. Сочувствие к жертвам преступления и потребность в справедливом возмездии пронизывает печатные памфлеты и устные баллады, даже если пострадавший был чужаком, никому не известным в локальном сообществе. Кроме того, привлечение внимания к шокирующим подробностям провоцирует коллективный психологический ответ на столь мощные экзистенциальные вызовы, как кровавая семейная трагедия: нарративы о насильственной смерти не только формируют в сознании читателей / слушателей модели социального контроля над преступлением, но и рождают ощущение морального единства сообщества перед лицом катастрофы.

Любопытно, что из всего обследованного К. Бэйтс корпуса листовок лишь 13% текстов имели стихотворную форму. Следует, однако, принять во внимание тот факт, что эта цифра отражает полюса интересующего нас процесса: тексты, специально сочиненные в балладной форме в расчете на массовую аудиторию, и, наоборот, образцы уличных баллад, воспроизведенные в печатной форме в связи с развитием того же сюжета или типологически сходным инфоповодом. Вне статистики, несомненно, остаются собственно фольклорные варианты, бытующие десятилетиями за хронологическими и локальными рамками конкретного криминального события и служащие не столько цели привлечь любопытствующее внимание к свежим драматическим событиям, сколько извлечь психологический и нравственный урок сочувствия и взаимной связи с окружающими людьми [Bates 2014, 6–8].

Семантико-прагматические механизмы, выявленные на материале спонтанных нарративов, а также паралитературных лубочных листов и уличных баллад, находят характерные соответствия в структуре традиционных фольклорных сюжетов о детоубийстве, как это, например, установлено в ходе анализа европейских баллад типа «Самарянка» («Магдалена») ¹¹. Странник (Христос) встречается женщину у колодца и просит у нее воды, но та отказывает ему, утвер-

¹¹ Известны итальянская, французская, ирландская, шотландская, финская, славянские и скандинавские версии баллады (самые ранние записи датируются XVII в.).

ждая, что вода нечиста. В ходе диалога обнаруживается мифологическая природа использованной героиней метафоры: во всех вариантах женщина обвиняется в рождении внебрачных детей и их умерщвлении («мужьями ад забила, детьми море переполнила»). Особую версию представляют собой тексты, в которых обвинение исходит от погубленных детей: «Не ўмила, наша мамко, нас гадаваці» [Толстая 2015, 159]. Мораль истории кажется однозначной: грешницу ждет ад. Однако парадоксальным образом обличительный нарратив оборачивается автобиографией личности, осознающей прошлое в акте припоминания и признания. Одновременно и слушатели баллады оказываются вовлечены в переживание ее персональной истории, тем самым присваивая частному травматическому нарративу статус культурного текста традиции [Porter 2012, 58–59].

В этой связи необходимо отметить еще одно жанровое решение трагической коллизии АТУ 1343*. Речь идет о рукописном романе пензенского конторского писаря Федора Ивановича Кудрешова «Жизнь Ткачова»¹², в основу которого легли устные воспоминания односельчанина Ф. Кудрешова – Степана Ткачева – о его скитаниях по Волге, Уралу и Каспию, насыщенные бытовыми, этнографическими и топонимическими подробностями. Вместе с тем канва воспоминаний Ткачева расцвечена экзотическими подробностями, восходящими к образам и мотивам романа М.Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» и, в частности, к тексту новеллы «Горькая участь» [Чулков 1789, 188–201].

Специфическое соединение в «Жизни Ткачова» паттернов крестьянской агиографии, литературного фэнтези, детективной новеллы и собственно фольклорных меморатов [Алпатов 2011а] рождает уникальный формат «дорожной истории» с ее двойной оптикой, где частные авантюры и катастрофы каждого из героев перерастают в художественную рефлексию человеческой судьбы в целом, в том числе семейная трагедия «Горькой участи» (вернувшийся под Рождество в родной дом солдат обнаруживает полную горницу мертвых

¹² Рукопись «Полный статистический анекдотизм, или Описание имениям» (1850) включает помимо рассматриваемого «народного романа» экономическую характеристику поместья Богородское-Лада, описание холерных бунтов 1829–1832 гг., очерки локальных свадебных и похоронных обрядов, тексты местных песен, причитаний, бывальщин и анекдотов [Алпатов 2011].

тел¹³) венчается историей вознагражденной верности и семейного счастья странника среди безгрешных дикарей – «горских островитян».

Начальник наш был доброй души человек, сочетав нас с сей престелной Евгою по своему обряду законным браком; в чем уже и не противились, церемония была весьма великолепная, которую вам обстоятельно топерь никак описать не могу. По окончании всего Главный Начальник или нареченный быть отцом и покровителем нашим, приказал как местному Начальству, так и всему Подвластному его народу учинить мне как наследнику Престола во всем законную присягу, чтобы быть в совершенном повиновении и послушании, что без всякого противления и сделали, – которыми я и досели распоряжаюсь, как второй Царь во Египте.

Сдесь народ называемые горские островитяны; хоша не от просвещения и не знают истинного Бога, но между тем человеколюбивой и кроткой жизни. Я же сам и семейство останемся здесь препровождать жизнь свою. Мне уже теперь от роду около 110, а супруге моей 90 лет, и я имею детей, внуков и правнуков, всего в количестве обоего пола 25 душ [Alpatov 2019, 289–290].

Завершая рассмотрение семантической структуры и прагматики нарративов сюжетного типа ATU 1343* «The Children Play at Hog-Killing», выделим два ключевых аспекта в интерпретации традиционных – структурно, стилистически и жанрово оформленных – повествований о семейной трагедии.

С внутренней точки зрения, с позиции рассказчиков и слушателей, традиционные нарративы эксплицируют типичные эмоциональные и нравственные реакции на катастрофу и регулярные вербальные формы ее проживания сообществом, проецируют на конкретный

¹³ «Пред крыльцом висел зарезанный баран, возле его лежал окровавленный нож, а под сараем, прицепленный веревкою к перекладу удушенный висел мой отец, взошли мы в избу, в которой были разбросаны немного обгорелыя дрова, посреди полу лежала мать моя, голова у ней была прорублена, видно что топором, потому он лежал возле ея окровавлен, в колыбели за зановесою зарезанная по горлу месяц семи девочка, в печи нашли мальчика четырех лет мертвого волосы на голове все сгоревшие, местами от жару и тело было истрескано, и эти были малютки брат и сестра мне. <...> Я же видя такое пагубное произшествие, и невозвратную потерю, сделал по умершим шестинедельное поминовение, распродав кое-что в доме, решилси оставить свое отечество...» [Alpatov 2019, 284].

случай ментальные структуры, налагаемые социумом на хаос реальности [Bates 2014, 10–13].

С внешней, исследовательской точки зрения традиционные повествования о трагических событиях, взламывающих структуру повседневности, становятся способом встать (насколько это возможно) на точку зрения носителей традиции и вместе с тем определить верный типологический масштаб и обозначить историко-генетическую перспективу для этих остроактуальных и социально значимых повествований.

Литература и источники

- Алпатов 2009 – *Алпатов С.В.* Varia Historia: Чулков «Горькая участь» vs Элиан «Пестрые рассказы» (XIII, 2) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. 14 / Отв. ред. Н.А. Буранок. СПб.; Самара: Ас Гард, 2009. С. 270–277.
- Алпатов 2011 – *Алпатов С.В.* Комплексное изучение рукописных источников: фольклористический аспект // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. научн. ст. / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 229–235.
- Алпатов 2011а – *Алпатов С.В.* Житие, роман, меморат в системе фольклорно-литературных связей XIX–XX веков // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сб. докладов. Т. 3 / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова, А.С. Каргин. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 56–63.
- Алпатов 2014 – *Алпатов С.В.* Прецедентное исследование по народной агиологии // Живая старина. 2014. № 3. С. 61–62.
- Бессонов 1861 – *Бессонов П.А.* Калики перехожие. Сборник стихов и исследование. Вып. 3. М., 1861. 307 с.
- Български фолклорни мотиви 2006–2010 – Български фолклорни мотиви. Т. I. Обредни песни. Т. II. Балади / Съст. Тодор Моллов. Варна, Електронно издателство LiterNet 2006–2010. http://litenet.bg/folklor/motivi/avramova_jertva/content.htm (дата обращения 18.05.2020).
- ГАКО – Государственный архив Кировской области. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 419 «Стихотворения И.Г. Зыкова» (машинопись 1950–1970 гг.). Л. 1–170.
- Драгоманов 1889 – *Драгоманов М.П.* Славянските сказания за пожертвование собствено дете // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889. Кн. 1. С. 65–97.

- Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 495 с.
- Караѿић 1845 – *Караѿић В.* Српске народне пјесме. Кн. 2. У Бечу. 1845. 640 с.
- Климова 2010 – *Климова М.Н.* От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе. М.: Индрик, 2010. 134 с.
- Коровина 2017 – *Коровина И.В.* О новейшей записи легендарной сказки на сюжет АТ 2401 // Сборник исследований по истории и культуре Коношского района / Отв. ред. Н.И. Ермолина. Коноша: Коношский районный краеведческий музей, 2017. С. 16–20.
- МК в Ярославле 2019 – В Ярославле двух малолетних детей оставили в машине на парковке под солнцем // Московский комсомолец в Ярославле. Общество, 11.06.2019. <https://yar.mk.ru/social/2019/06/11/v-yaroslavle-dvukh-maloletnikh-detey-ostavili-v-mashine-na-parkovke-pod-solncem.html> (дата обращения: 18.05.2020).
- Панченко 2012 – *Панченко А.А.* Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.
- Пругавин 1885 – *Пругавин А.С.* Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе // Русская мысль. 1885. Кн. II. С. 129–155.
- РО РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 905. Q. 153. «О житии святых Иоанна и Иакова Минюшских чудотворцов». 1780–1790-е гг. Л. 112–118 об.
- Сичкарев 1787 – Елиана Различная повести. С еллиногреческого на российский язык перевел Иван Сичкарев. Ч. II. М., 1787. 130 с.
- Скогорев 2000 – *Скогорев А.П.* Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. СПб.: Алетей, 2000. 480 с.
- Соболев 1994 – *Соболев А.Л.* Реальный источник в символистской прозе: механизм преобразования (Рассказ Федора Сологуба «Баранчик») // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1994. С. 141–154.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Тайга.Инфо 2015 – Дети выпрыгнули из окна в Красноярске, чтобы найти ушедшую из дома мать // Тайга.Инфо. Новости. 30.03.2015. <https://taiga.info/120453> (дата обращения: 18.05.2020).
- Тарбеева 2018 – *Тарбеева П.* Маленького ребенка оставили в припаркованной машине // Призыв. Происшествия. Владимир, 18.05.2018. <https://www.prizyv.ru/2018/05/malenkogo-rebenka-ostavili-v-priparkovannoj-mashine/> (дата обращения: 18.05.2020).
- Толстая 2015 – *Толстая С.М.* «Самарянка»: баллада о грешной девушке в восточно- и западнославянском фольклоре // Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Индрик, 2015. С. 151–168.

- Чубинский 1878 – Труды Этнографическо-Статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. Т. II. Малорусские сказки. СПб., 1878. 688 с.
- Чулков 1789 – Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. Ч. V. М., 1789. 222 с.
- Alpatov 2019 – *Alpatov S.* The naive autobiographical novel Tkachov's life by Fedor Kudreshov // *Avtobiografiija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2019. Vol. 8. P. 273–292.
- ATU – *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. Vol. II. 536 p.
- Barnett 2016 – *Barnett B.* Motherhood in the Media: Infanticide, Journalism, and the Digital Age. New York: Routledge, 2016. 236 p.
- Bates 2014 – *Bates K.* Empathy or Entertainment? The Form and Function of Violent Crime in Early-Nineteenth Century Broadides // *Law, Crime & History*. 2014. № 2. P. 1–27.
- Bates 2020 – *Bates K.* Crime, Broadides and Social Changes, 1800–1850. London: Palgrave Macmillan, 2020. 248 p.
- Brunvand 2012 – *Brunvand J.H.* Encyclopedia of Urban Legends. Santa Barbara: ABC-Clio, 2012. 782 p.
- Guard, Gallagher 2005 – *Guard A., Gallagher S.S.* Heat related deaths to young children in parked cars: an analysis of 171 fatalities in the United States, 1995–2002 // *Injury Prevention*. 2005. № 11. P. 33–37.
- Hansen 2002 – *Hansen W.* Ariadne's Thread. A guide to international tales found in classical literature. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 548 p.
- Jaeger, Lindblom, Parker-Guilbert, Zoellner 2014 – *Jaeger J., Lindblom K.M., Parker-Guilbert K., Zoellner L.A.* Trauma Narratives: It's What You Say, Not How You Say It // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2014. № 5. P. 473–481.
- KidsAndCars 2020 – KidsAndCars Headstroke Fact Sheet // KidsAndCars.org. Hot Car Deaths. <https://www.kidsandcars.org/wp-content/uploads/2020/01/Heatstroke-fact-sheet.pdf> (дата обращения: 18.05.2020).
- Langlois 1993 – *Langlois J.L.* Mothers' Doubletalk // *Feminist Messages: Coding in Women's Folk Culture*. Urbana: University of Illinois Press, 1993. P. 80–97.
- Oinas 1985 – *Oinas F.* Essays on Russian Folklore and Mythology. Columbus, Ohio: Slavica, 1985. 183 p.
- Otterman 2019 – *Otterman S.* He Left His Twins in a Hot Car. And They Died. Accident or Crime? // *The New York Times*. New York Region, 01.08.2019. <https://www.nytimes.com/2019/08/01/nyregion/children-left-to-die-in-hot-cars-accident-or-murder.html> (дата обращения: 18.05.2020).
- Porter 2012 – *Porter G.* Locks and Bolts: Incest Trauma and the Elliptical Oral Narrative in Ireland // *Nordic Irish Studies*. 2012. Vol. 11. № 1. P. 51–61.
- Th – *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature. Vol. 1–6. Copenhagen and Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.

The Concept of Family in Traditional Narratives of Tale Type ATU 1343* “The Children Play at Hog-Killing”

Sergey Alpatov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Doctor Habilitas in Philology, Associate Professor

ORCID ID: 0000-0003-2525-0287

Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University

1st corp. of Humanitarian Faculties, Leninskie Gory,

Moscow, GSP-1, 119991, Russia

Tel.: +7 (495) 939-32-77, Fax: +7 (495) 939-55-96

E-mail: contact@philol.msu.ru

Summary: The article is devoted to the study of the problem of verbal representation of the real experience of family tragedies in the cultural baggage of European oral and handwritten traditions, which is becoming particularly relevant in modern conditions of the growth of information flows, a change in communicative paradigms and the transformation of social roles and value hierarchies. The object of study is the popular tales of the plot ATU 1343* “The Children Play at Hog-Killing”, considered in terms of motive structure, genesis, as well as genre forms of its implementation (rumor, short story, ballad, life of the saint, novel, urban legend).

The study shows that for the traditional minds the depiction of bloody details and the elaboration of an atmosphere of horror aims not to entertain the audience, but to form a collective psychological response to such a powerful existential challenge as a bloody family tragedy.

In turn, for a researcher folk narratives about fatal events breaking the structure of everyday life is a way to get out the traditional point of view on the subject and at the same time is a chance to give a correct typological scale and historical perspective for these acutely relevant and socially significant narratives.

Keywords: *family tragedy, real experience, folk tales, genre models of representation*

References:

- Alpatov, S.V., 2009, *Varia Historia: Chulkov “Gor’kaia uchest” vs Elian “Pestrye rasskazy”* (13, 2) [Different Stories: Chulkov’s “Bitter Lot” vs Elian’s “Varia Historia” (13, 2)]. *Problemy izucheniia russkoi literatury 18 veka* [Problems of studying Russian literature of the 18th century], vol. 14, ed. N.A. Buranok, 270–277. St. Petersburg, Samara, As Gard, 477.

- Alpatov, S.V., 2011, Kompleksnoe izuchenie rukopisnykh istochnikov: fol'kloristicheskii aspekt [Complex study of manuscript sources: the folkloristic aspect]. *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennii mir, Kompleksnye issledovaniia traditsionnoi kul'tury v postsovetskii period: sb. nauchnykh statei* [Slavic traditional culture and the modern world. Comprehensive studies of traditional culture in the post-Soviet period], vol. 14, eds. V.E. Dobrovol'skaia, A.B. Ippolitova, 229–235. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 440.
- Alpatov, S.V., 2011, Zhitie, roman, memorat v sisteme fol'klorno-literaturnykh svyazei 19–20 vekov [Life, novel, memorat in the system of folklore and literary relations of the 19th–20th centuries]. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo kongressa fol'kloristov. Sbornik dokladov* [From Congress to Congress. Materials of the Second All-Russian Congress of Folklorists. Collection of reports], vol. 3, eds. V.E. Dobrovol'skaia, A.B. Ippolitova, A.S. Kargin, 56–63. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 456.
- Alpatov, S.V., 2014, Pretsedentnoe issledovanie po narodnoi agiologii [Case study on folk hagiology]. *Zhivaia starina*, 3, 61–62.
- Alpatov, S.V., 2019, The naive autobiographical novel Tkachov's life by Fedor Kudreshov. *Avtobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, 8, 273–292.
- Barnett, B., 2016, *Motherhood in the Media: Infanticide, Journalism, and the Digital Age*, New York, Routledge, 236.
- Bates, K., 2014, Empathy or Entertainment? The Form and Function of Violent Crime in Early-Nineteenth Century Broadides. *Law, Crime & History*, 2, 1–27.
- Bates, K., 2020, *Crime, Broadides and Social Changes, 1800–1850*, London, Palgrave Macmillan, 248.
- Jaeger, J., K.M. Lindblom, K. Parker-Guilbert, and L.A. Zoellner, 2014, Trauma Narratives: It's What You Say, Not How You Say It. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 5, 473–481.
- Zhirmunskii, V.M., 1979, *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative literary studies. East and West]. Leningrad, Nauka, 1979, 495.
- Klimova, M.N., 2010, *Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: zhitiiia "greshnykh sviatykh" v russkoi literature* [From Protopope Avvakum to Fedor Abramov: The Lives of "Sinful Saints" in Russian Literature], Moscow, Indrik, 134.
- Korovina, I.V., 2017, *O noveishei zapisi legendarnoi skazki na suizhet AT 2401* [About the latest recording of the legendary plot AT 2401]. *Sbornik issledovaniia po istorii i kul'ture Konoshskogo raiona* [Collection of studies on the history and culture of the Konosha region], ed. N.I. Ermolina, 16–20. Konosha, Konoshskii raionnyi kraevedcheskii muzei, 36.
- Langlois, J.L., 1993, Mothers' Doubletalk. *Feminist Messages: Coding in Women's Folk Culture*, Urbana, University of Illinois Press, 80–97.
- Oinas, F., 1985, *Essays on Russian Folklore and Mythology*. Columbus, Ohio, Slavica, 183.

- Panchenko, A.A., 2012, *Ivan i Yakov – neobychnye sviatye iz bolotistoi mestnosti: “Krest’ianskaia agiologiya” i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni* [Ivan and Yakov – unusual saints from the marshland: “Peasant agiology” and religious practices in Russia of the New Age]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448.
- Porter, G., 2012, Locks and Bolts: Incest Trauma and the Elliptical Oral Narrative in Ireland. *Nordic Irish Studies*, 1, 51–61.
- Sobolev, A.L., 1994, Real’nyi istochnik v simbolistskoi proze: mekhanizm preobrazovaniia (Rasskaz Fedora Sologuba “Baranchik”) [The Real Source in Symbolist Prose: The Transformation Mechanism (The Story of Fedor Sologub “Baranchik”)]. *Tynianovskii sbornik. Piatye Tynianovskie chteniia* [Tynyanovsky collection. Fifth Tynyanov Readings], ed. M.O. Chudakova, 141–154. Riga, Zinatne, Moscow, Imprint, 452.
- Tolstaya, S.M., 2015, “Samarianka”: ballada o greshnoi devushke v vostochno- i zapadnoslavianskom fol’klore [“Samaryanka”: a ballad about a sinful girl in East and West Slavic folklore]. Tolstaya, S.M., *Obraz mira v tekste i rituale* [The image of the world in text and ritual], 151–168. Moscow, Indrik, 2015, 527.